

УДК 94/99 (72) «1800–1917»

МУСУЛЬМАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ КАВКАЗА В ИМПЕРСКУЮ ЭПОХУ: К ВОПРОСУ О РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ В КРАЕ

О. Б. Халидова

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

В статье освещаются некоторые аспекты имперской политики в отношении северокавказских мусульман. Российские власти, учитывая значительный вес мусульманского населения, строили свою политику путем привлечения представителей данной конфессии на свою сторону. Опираясь на свой опыт в деле образования, российские власти открывали в крае сеть конфессиональных школ, в стенах которых полагали подготовить новое поколение мулл, готовых способствовать проведению государственной политики среди горского населения. Рассматривается миссионерская деятельность РПЦ в отношении мусульманского населения. Освещается период либерализации законов Российской империи, их влияние на политику в регионе.

The article considers some aspects of imperial policy towards the Northern Caucasus Muslims. The Russian authorities gave considerable weight to the Muslim population and were building the policy bringing representatives of this confession to their side. Relying on their experience in education the Russian authorities opened a network of confessional schools where they would prepare a new generation of the Muslim clerics for the state policy to be promoted among the mountain population. The attention is drawn to the missionary work of the Russian Orthodox Church in regard to the Muslim population. The period of liberalization of the Russian Empire laws and their influence on the policy in the region are shown.

Ключевые слова: Российская империя; Северный Кавказ; Дагестан; ислам; мусульманское население; религиозная политика.

Keywords: Russian Empire; the North Caucasus; Daghestan; Islam; the Muslim population; the religious policy.

В среде российских историков растет число исследователей, интересующихся кавказским прошлым в период российского владычества в крае. Особый интерес проявляется к политике управления мусульманским населением Кавказа в имперский период, хотя на сегодняшний день можно отметить, что данная тема является малоисследованной.

В данной статье нам хотелось бы «пунктирно» обозначить некоторые особенности т.н. «встраивания» горцев-мусульман в российскую действительность в период второй половины XIX – начала XX в. Хронологический отрезок выбран нами исходя из исторических реалий – на него приходится период завершения Кавказской войны, и царизм основной целью ставит «...подготовить почву для проникновения в среду покоренных инородцев начала русской гражданской войны и культуры» [1]. Именно с этого периода, названного в истории «цивилизаторским», ислам рассматривался русскими властями не только как чужеродное вероисповедание по отношению к православному государству, но и как «сила», представляющая опасность единству государства (см. [2]).

Отметим, что для российского правительства было весьма сложно проводить единую политическую линию в завоеванном крае. Действия администрации затрудняла не только этническая и языковая пестрота региона, но и его конфессиональная мозаичность. Тем не менее создание механизма, осуществлявшего контроль над исламской жизнью горцев, являлось одной из приоритетных задач империи.

Ключевым вопросом в политике царского правительства оставалась проблема ограждения влияния мусульман зарубежного Востока, в частности Турции, на кавказских горцев. Еще в 60-е гг. XIX в. в среде мусульманского населения Кавказа начался процесс миграции в Османскую империю, продолжавшийся вплоть до 1917 г. Только в течение 1860–1862 гг. более 100 тыс. кавказских горцев под предлогом «путешествия в Мекку для поклонения гробу Магомета» выехало в Турцию с дальнейшим намерением поселиться там. Российское правительство не препятствовало «паломникам», объясняя это тем, что «мы не хотим и не можем противиться исполнению желания, внушенного религиозной убежденностью» [3].

В вышедшем в 1876 г. циркуляре Главного управления наместника Кавказа об утверждении надзора за турецкими подданными [4] сообщалось, что среди проживающих на Кавказе турецких подданных могут быть и турецкие агенты, которых «безо всяких затруднений пропускает турецкое консульство», и что необходимо «продолжать самое бдительное наблюдение» [5]. Согласно рапортам, представленным администрациями населенных пунктов Дагестанской области, к началу 1877 г. по всей области проживало 43 турецких подданных [6].

На Северном Кавказе, в Кубанской, Терской и Дагестанской областях, а также в Ставропольской губернии была установлена и практиковалась вкпе с распоряжениями местной администрации система заведования духовными делами мусульман. В результате суще-

ствовавшие на Кавказе горские словесные суды, а также муллы, кадии, занимавшиеся «удовлетворением религиозных потребностей мусульманского населения... и осуществлявшие вытекающие из них административно-судебные функции» [7], также ощутили на себе влияние светского законодательства.

Мулл, в обязанности которых входило ежедневное исполнение молитвенных обязанностей в мечетях, российская администрация призывала «быть передовыми в своем народе, понимать современные требования...» и вести за собою людей [8]. Избирались муллы на аульных и квартальных сходах. Утверждение их в должности начальником области осуществлялось только после проверки в горском словесном суде знания ими Корана (по программе, учрежденной Наместником на Кавказе в 1876 г.) или после предоставления ими удостоверения о сдаче подобного экзамена в Закавказском суннитском духовном правлении.

Помимо удовлетворения духовных потребностей населения, старшие муллы были обязаны, под наблюдением кадиев, вести метрические книги. В сентябре 1898 г. в г. Дербенте было предложено «шиитам, суннитам и казанским татарам избрать из своей среды мулл ... для ведения списков об убытии и прибытии мусульманского населения города» [9]. Выполнявшие функции судей и специализировавшиеся в знании мусульманского права (шариата) кадии должны были наблюдать за духовенством, мечетями и школами при мечетях [10]. В составе горского словесного суда кадий, единолично или при участии приглашенного им «ученого муллы», производил испытание претендентов на духовные должности и решал брачные дела.

В образовательной сфере происходили также трансформации, связанные с открытием новых школ, в стенах которых «российские власти полагали подготовить новое поколение горских мусульманских мулл, которые будут способствовать проведению государственной политики среди горских народов» [11]. В 1849 г. правительство создает восемь духовных школ для мусульман Кавказа, в том числе три школы для суннитов, перед выпускниками которых была поставлена негласная задача «внушать горцам доверие к русским» [11].

Интересным моментом, на наш взгляд, была и миссионерская деятельность православного духовенства как главного идеологического оплота царизма в политике на Кавказе. Митрополит Ставропольский и Бакинский Гедеон охарактеризовал эту миссию как «внешняя, направленная на иноверцев-горцев» [12]. С помощью различных мер поощрения и льгот православные священники пытались вызвать интерес у горцев к православной вере. Еще во второй половине XVIII в. действовал указ Сената о выплате единовременного пособия горцам, принявшим христианскую веру [13]. В 60-е гг. XIX в. он был отменен Положением от 25 марта 1864 г., которое запрещало «выдачу денежного пособия нижним чинам из евреев и магометан и их семействам по случаю принятия Православия» [14]. Вступая в христианскую веру, «магометане и язычники ... испрашивали разрешение через Министра Внутренних Дел...» [15], и «желанию последних не должны были препятствовать» [15].

Как светские, так и епархиальные власти следили за тем, чтобы переход горцев в православие осуществлялся добровольно и с осознанием смысла этого поступка. Священники должны были обучить иноверца основам христианской веры. И если после этого иноверец испытывал искреннее расположение к православной вере, священник мог провести обряд крещения.

Горцев, принявших христианство, называли «новокрещенными». Согласно общероссийской практике после крещения горцев старались сразу же переселять в станицы и города, где проживало в основном православное население, как правило, по выбору крещенного [16]. Считалось, что поселение новокрещенного в православной среде способствует укреплению веры. Указанное правило действовало до начала XX в., позже областные власти вели наблюдение за тем, чтобы права горцев, принявших православие, но не сменивших место жительства, не ущемлялись их бывшими единоверцами [16].

В местном архиве нам удалось обнаружить несколько документов, связанных с принятием православия горцами. Так, мы находим прошение от мещанина г. Порт-Петровска и Ишкартинского жителя Насруллы Муртузали оглы от 20 июня 1882 г. на имя командующего войском урочища Ишкарты Дагестанской области о разрешении ему принять православие [17]. Однако после двухмесячного «научения им истин православной веры над ним так и не был совершен обряд крещения», поскольку «в октябре 1882 г. он ушел в аул к своим родным и уже больше не являлся» [18].

Желание перейти в другую веру порой диктовалось личными интересами. Так, 15 декабря 1894 г. в своем прошении на имя Военного губернатора Дагестанской области житель с. Катърюрт Грозненского округа Гаирбек Дадаев заявлял «о своем ревностном желании оставить магометанский закон и принять православную веру ...» [19], что позволило бы ему «приписаться к Обществу Петровских мещан и никогда не возвращаться на свою родину» [19]. Прошение Дадаева было удовлетворено, и в январе 1896 г. он был приобщен к православной вере через крещение священником Петровской военно-местной церкви и наречен именем Василий [20].

Таким образом, как мы видим, крещение среди горцев не только приветствовалось властями, но и было продиктовано жизненными установками в политической системе России на Кавказе. В целом считать насильственной христианизацию горцев нельзя. Что касается Дагестана, то прозелитизм здесь не получил широкого распространения. Имели место лишь единичные случаи.

В начале XX в. начинается новый виток в политике российских властей, характеризующийся как либеральный.

В новой либеральной политике Российского государства присутствовал фактор так называемого «исламского просвещения», включающий в себя строительство мечетей, перевод мусульманской литературы, в частности Корана, на русский язык [21]. В Дагестанской области количество мечетей с начала XX в. по 1910 г. увеличилось с 1493 до 1562 [22–27].

Основной проблемой, вызывавшей определенное беспокойство российских властей в начале XX в. и стоявшей в центре внимания Министерства внутренних дел, являлся панисламизм. Министр внутренних дел России П.А. Столыпин в своем письме, направленном губернаторам, настоятельно предлагал «принять меры в связи с намерением Турции продвигать панисламистские идеи в России» [28]. Он предписывал губернаторам «установить самое тщательное наблюдение за появлением означенных лиц (здесь – пропагандистов. – О.Х.) из Турции и при обнаружении их принимать безотлагательно решительные меры для выдворения их за пределы империи» [28].

В директивном письме по Особому отделу Департамента полиции панисламизм определялся как движение, главным принципом которого являлось «объединение всего мусульманского мира в политическом и экономическом отношениях под эгидой Турции с конечной целью в будущем образования всеюлькской республики...» [29]. Здесь же указывалась, что «ближайшей задачей их являлось сплочение всех сознательных мусульман для политической борьбы с ныне существующим в империи государственным строем, который является в глазах панисламистов главной препоной к национальному самоопределению магометан» [29].

В одной из переписок начальников округов Терской области отмечалось, что в Константинополе группой татар издается журнал «Тааруфуль-муслимин» («Взаимное ознакомление мусульман»), имеющий широкое распространение среди татар – русских подданных и направленный против России [30], главной целью которого является «распространять среди русских мусульман идеи панисламизма и вызвать неприязнь к императорскому правительству, обвиняя его в гонении ислама, притеснениях мусульман, порабощении их школы...» [31].

В начале 1910 г. в Министерстве иностранных дел были получены сведения о том, что в Турции разрабатывается план всеобщей подписи на усиление флота, причем готовилась к изданию фетва, обращенная ко всем мусульманам, в том числе и к русским мусульманам, в которой турецкий султан признавался халифом. Фетву предполагалось прочесть во всех мечетях [32].

В местном архиве сохранились документы, предоставляющие сведения относительно характеристики данного течения, а также свидетельствующие о панисламистской пропаганде на Кавказе в первой трети XX в. [33].

В Дагестанской области власти постоянно следили за деятельностью местного мусульманского духовенства, религиозных школ, отдельных деятелей. Так, в начале XX в. начальник Казикумукского округа полковник Киселев предписывал начальникам Казикумукского и Вицхинского участков установить негласный надзор за населением [34]. Он предлагал принять все необходимые меры «к недопущению к преподаванию в сельских мусульманских школах лиц, получивших образование в Турции, Египте, Персии, Казанской и Оренбургской губерниях...», а также рекомендовал собрать все сведения о частных и мечетских школах и выяснить, «не изучаются ли в каких-либо школах турецкий язык, турецкая история, география и другие сведения о Турции...» [34]. Кроме того, особое внимание уделялось распространявшимся мусульманским журналам и газетам [35].

Российская администрация рассматривала идеи модернизации ислама, все более распространявшиеся на мусульманских окраинах империи, как попытку государственного переворота. Подъем мусульманского движения начала XX в. был воспринят главой российского правительства и министром внутренних дел П.А. Столыпиным как серьезная угроза «историческим задачам русской государственности» [36].

В начале XX в. в одном из своих отчетов граф Воронцов-Дашков отмечал, что «именного от мусульманского населения Кавказа в будущем России следует опасаться сепаратизма и вспышек религиозного фанатизма, и прежде всего из-за соседства Кавказа с мусульманскими государствами» [37]. Но при этом он подчеркивал, что нельзя оставлять мусульманское население «без наблюдения и игнорировать их потребности, а следует воздействовать на мусульман посредством их приобщения к русской культуре и насаждения среди них начал русского правосознания» [38].

Таким образом, одной из важнейших составляющих российской политики на Кавказе являлась организация исламской жизни горцев. Стремление российского самодержавия адаптировать местное население находило свое отражение в имперских законодательных актах, причем на начальном этапе освоения региона положения российского законодательства лишь понемногу «вкрапывались» наряду с обычным правом.

В начале XX в. начавший новый виток в жизни мусульманских российских окраин, способствовавший расширению сферы влияния ислама и религиозной свободы, а также формированию новой системы мусульманского образования, предопределил дальнейшую политику российских властей. Последние в дальнейшей своей политике на Кавказе, в Дагестане в частности, имея настороженное отношение к исламской жизни в крае, пытались всячески ограничивать деятельность исламских реформаторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Изв. вузов. Сев.-Кав. регион. Обществ. науки. 2002. № 2. С. 7.
2. Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX века // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. М., 2001. С. 303.
3. Касумов А., Касумов Х. Дипломатическая борьба во время выселения и расселения адыгов в Османской империи // Россия и Черкесия (вторая половина XVIII в. – XIX в.). Майкоп, 1995. С. 33.
4. Центральный государственный архив Республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 126. Оп. 2. Д. 23. Л. 1.
5. Там же. Л. 4.
6. Там же. Л. 18.
7. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи, законодательные акты, описания, статистика / сост. Д.Ю. Арапов. М., 2001. С. 276.
8. Матвеев В.А. Исторические познания как фактор геополитических свершений // Научная мысль Кавказа. 1998. № 4. С. 26.
9. ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 73. Л. 1–10б.
10. ЦГА РД. Ф. 147. Оп. 1. Д. 7. Л. 212.
11. Ибрагимова З.Х. Кавказцы. М., 2010. С. 87.
12. Геддон, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. Москва; Пятигорск, 1992. С. 179–180.
13. Васильев Д.С. Очерки истории низовьев Терека: досоветский период. Махачкала, 1986. С. 93.
14. Полное собрание законов Российской Империи. Т. 39. 1864. Ст. 40703. С. 261–262.
15. Свод законов Российской империи. 1896. Т. 11. Ч. 1. С. 9.
16. Кумпан Е.Н. Конфессиональная политика Российской империи и ее реализация на Северо-Западном Кавказе. 1861–1917 гг. : автореф. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2005. С. 147.
17. ЦГА РД. Ф. 126. Оп. 3. Д. 103. Л. 2–2об.
18. Там же. Л. 19.
19. Там же. Ф. 2. Оп. 2. Д. 227. Л. 14.
20. Там же. Л. 19.
21. Матвеев В.А. Указ. соч. С. 25.
22. Обзор Дагестанской области за 1902 г. Темир-Хан-Шура, 1903. 106 с.
23. Обзор Дагестанской области за 1903 г. Темир-Хан-Шура, 1904. 167 с.
24. Обзор Дагестанской области за 1904 г. Темир-Хан-Шура, 1904. 98 с.
25. Обзор Дагестанской области за 1905 г. Темир-Хан-Шура, 1907. 75 с.
26. Обзор Дагестанской области за 1906 г. Темир-Хан-Шура, 1908. 67 с.
27. Обзор Дагестанской области за 1907 г. Темир-Хан-Шура, 1909. 63 с.
28. Арапов Д.Ю. «...Опасные для единства нашего государства проповедники...» П.А. Столыпин о политике Турции в отношении России и панисламизме. 1910 г. // Отечественные архивы. 2004. № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusarchives.ru> (дата обращения: 14.06.2012).
29. Алексеев И.Л. Ислам, мусульманское общественное движение и проблемы управления мусульманским населением внутренних губерний России в начале XX в. в ракурсе российской административной элиты [Электронный ресурс]. URL: <http://islamrf.ru> (дата обращения: 09.10.2012).
30. Центральный государственный архив Республики Северная Осетия – Алания (далее – ЦГА РСО-А). Ф. 11. Оп. 17. Д. 396. Л. 10.
31. Арапов Д.Ю. Указ. соч.
32. ЦГА РСО-А. Ф. 11. Оп. 17. Д. 329. Л. 119.
33. ЦГА РД. Ф. 66. Оп. 2. Д. 2. Л. 103–103а, 104.
34. ЦГА РД. Ф. 2. Оп. 8. Д. 20. Л. 248.
35. Там же. Л. 263.
36. Культура и политика на Кавказе в XIX – начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: <http://gazavat.ru> (дата обращения: 01.09.2013).
37. Всеподданнейший отчет за 8 лет Управления Кавказом графа Воронцова-Дашкова. СПб., 1913. С. 9.
38. Там же. С. 14.

Поступила в редакцию 15.05.2015 г.
Принята к печати 28.09.2015 г.